

Суджата Батт (Sujata Bhatt)
Моцартштрассе 18

Я сижу на детской площадке
на углу Моцартштрассе
и задаюсь вопросом,
где конец вины
и где её начало;
пока дети копаются в песочнице
и мальчуган шестнадцати месяцев,
за которым я присматриваю, сыплет песок
мне на колено.
Мне трудно представить, что вина
могла бы здесь иметь своё начало.

И всё же,
есть в Бремене здания,
которые для меня ассоциируются только со злом.

А ещё есть этот
непокидающий меня сон –
он тихонько начинается ночью, с того,
что я спускаюсь по лестнице покидая дом,
моя рука лежит на мокрой от дождя калитке –
в этот момент я вижу их:
они здесь,
представители разных народов,
все одеты предпочтительно
в чёрное и белое,
длинные, колышущиеся чёрные плащи,
ослепительно-белые льняные воротнички...
Их присутствие делает сырое утро теплей,
от их одежды распространяется по воздуху
аромат свежего кофе и какао.
Они идут медленно, словно туристы,
у которых море времени.
Они выходят с соседней улицы
на Моцартштрассе, приближаются ко мне,
пока я стою у калитки.

Не звучит ни слова,
но все меня приветствуют и указывают
на этот дом, дом номер 18.
Они приветствуют меня глазами
полными вопросов, они хотят
меня о чём-то спросить, но я не в состоянии понять
о чём. Не звучит ни слова,
но каждый из них пристально вглядывается мне в глаза.
Каждый мужчина со своим вопросом.
Каждая женщина со своим вопросом.

Я помню их глаза, глаза каждого из них - все тёмные,
но каждый со своим оттенком темноты –
лужайка из тёмных цветов
и пней, полностью покрытых
сотнями тёмных бабочек...
Тогда я первый раз
пробую заговорить, пошевелиться,
хотя бы поздороваться.
Но не могу.

Я продолжаю всматриваться, внимательно и отчётливо,
в их немые глаза,
словно уснувшие глубоким сном.
И я думаю, стоя застывший
у калитки: как странно,
все они словно знают меня, как странно,
что они молчат и почему они
указывают на этот дом?

Моцартштрассе 18. Важно ли это?
Влияет ли как-то на место, где мы живём,
то, что здесь происходило когда-то?
Я задаюсь этим вопросом,
пока дети копаются в песочнице
и мальчуган шестнадцати месяцев,
за которым я присматриваю,
сыплет песок мне на колено.

Одно дело знать,
что здесь происходило когда-то,
но совсем другое дело, видеть перед собой
списки имён, улиц, домов...

Одно дело знать, что здесь происходило когда-то,
но совсем другое дело жить здесь сегодня
и разузнать кто, и где именно жил в 1937-ом, в 1938-ом...
Тщательно пройтись по *бревенской адресной книге* того
времени,
со справками обо всех жителях города
и сравнить со статистическими данными 1983-го.
Кто был арестован, расстрелян.
Кто был отправлен в Минск, кому удалось скрыться...

Например, семья Райс,
жившая на Моцартштрассе 25,
Альберт и Эмма с двумя детьми
Гюнтером и Касилией, тридцатого декабря 1938 г.
уехали в Соединённые Штаты.
Их дом не сохранился.

Но номер 18 остаётся загадкой.
Здесь жил Теодор Груйя, дамский портной,
его салон находился наверху.
В этом доме, в 1937-ом,
было ещё пять жильцов.
Здание постройки 1854 года, где
я чувствую себя так вольготно с четырёхметровыми
потолками
и высокими окнами, благодаря которым всё здесь залито
светом.
Идеально для портного,
говорю я хозяйке дома, когда мы, сидя на балконе,
пытаемся выяснить, что же произошло
с Теодором Груйя.
Под кофе с печеньем, она рассказывает мне
о тысячах иголок,
обнаруженных ей на полу – булавок и швейных игл;
о его еврейской жене,
которую он отправил в Америку. *Тысячи иголок*,
повторяет она, и даже в стены были воткнуты булавки.
Это было в 1975-ом, рассказывает она, тогда она
купила этот дом и затеяла ремонт,
чтобы спасти его от разрушения.
Тысячи иголок и без туалета, говорит она
и указывает на место в саду,
где стояла будка.

Почему так много иголок, даже
на стенах?
Я вижу реки из иголок, серебряные
ковры, перетекающие из одной комнаты в другую—
Кто разбросал их по полу?
Кто взял швейные машины?
Кто забрал платья? Я вижу реки полные
иголок, мерцающие мокрые жабры,
а в переменчивости солнечного света
это могли бы быть и
играющие в воде лососи,
я рассматриваю их с высокой скалы,
тянущиеся за ними гибкие серебристые линии.

Сейчас у нас Апрель
и на широко разросшемся каштане
есть маленькие листочки,
маленькие как ладошки ребёнка шести месяцев отроду.
Мы говорим о еврейской жене портного,
и я рассматриваю дерево,
тогда как мои ноги нестерпимо затекли,
ведь я знаю, оно стояло здесь все эти годы —
словно я могу его в чём-то винить
или о чём-то спрашивать...
Дни сейчас становятся всё длинней:
Апрель, Май, Июнь, на каштане подрастают листья,
и наши комнаты всё больше заполняются светом,
и я не могу прервать мысли
о Теодоре Груйя, дамском портном,
и его жене.

С английского Лев Марголин